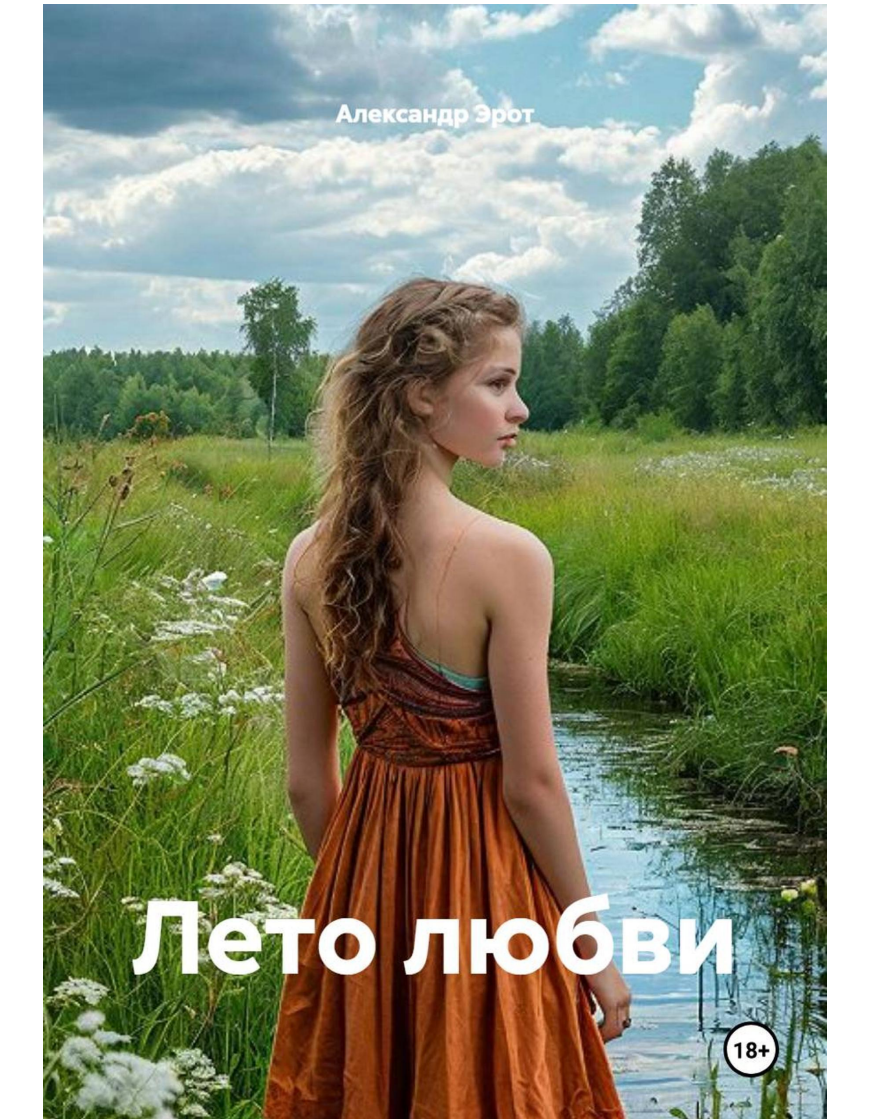

Александр Эрот

Лето любви

18+

Александр Эрот

Лето любви

<https://litres.ru/74390854>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жаркое лето в деревне становится поворотным моментом в жизни 18-летней Вари.

На фоне прозрачных вод реки Сельги и бескрайних лугов разворачивается история первой любви, где юная красота встречается с мужской зрелостью.

Варя познает себя через чувства, учится доверять и открываться. Андрей видит в ней не просто юное создание, а женщину, способную изменить его жизнь. Их отношения проходят испытание расстоянием и временем, но сила первой любви оказывается сильнее обстоятельств.

Это история о взрослении, о поиске себя и своего места в мире, о том, как одно лето может изменить всю жизнь. Роман исследует тему первой любви без прикрас, показывая, как юная девушка обретает силу и уверенность, как любовь меняет судьбы.

Для тех, кто верит в силу искренних чувств и готов погрузиться в атмосферу жаркого лета, наполненного страстью и открытиями. История, которая заставит сердце биться чаще и напомнит о самых сокровенных чувствах.

Александр Эрот

Лето любви

Лето пришло в деревню Малые Выселки так, как приходит только в этих местах — не постепенно, не робко, а сразу и полностью, как мужчина входит в дом, где его давно ждали. В один день растаяло всё серое, всё зябкое, всё закутанное в платки и фуфайки, и мир стал кожей — тёплой, открытой, чуть влажной от росы по утрам и раскалённой к полудню так, что земля дышала, как живая.

Варе Селивановой исполнилось восемнадцать в мае.

Она знала об этом с той особенной, телесной определённой, с которой знают только молодые тела — не умом, не числом прожитых лет, а каждым сантиметром себя. Просыпаясь по утрам в своей узкой кровати под образами, она чувствовала, как простыня касается её иначе, чем год назад. Как воздух касается. Как взгляды.

Взгляды — это она замечала особенно.

Деревня была небольшой — дворов сорок, не больше. Река Сельга огибала её с севера, заросшая по берегам ивняком и высокой осокой, и вода в ней была такой прозрачности, что дно просматривалось на глубину в два человеческих роста. Варя знала каждый камень на этом дне. С детства знала. Но в это лето она входила в реку иначе — медленно, словно нарочно давая воде время подниматься по ногам, по бёдрам, по

животу, и каждый сантиметр этого холодного подъёма был отдельным событием, отдельным ощущением, которое она запоминала.

Тело стало интересным. Своим телом она интересовалась теперь так, как интересуются новым человеком — с любопытством, с некоторым удивлением, с желанием узнать больше.

Мать говорила: Варька, не болтайся у реки одна, там приезжие из города стоят с палатками, люди незнакомые. Варя кивала. И шла к реке.

Приезжие появились в середине июня.

Их было трое — два молодых мужчины и женщина. Они поставили палатки на дальнем берегу, там, где ива свешивала ветви почти до воды и берег был чистый, песчаный, прогретый. Варя увидела их в первый же день — увидела с холма, когда шла за хворостом, и остановилась.

Женщина лежала на расстеленном покрывале. Загорала. На ней был купальник такой маленький, что Варя поначалу решила — никакого купальника нет вовсе. Двое мужчин были у воды. Один — высокий, темноволосый, с узкими плечами и неожиданно широкими для таких плеч руками — стоял по колено в реке и смотрел на противоположный берег. То есть смотрел, как показалось Варе, прямо на неё.

Она не ушла. Стояла с охапкой хвороста, пока шея не начала гореть от напряжения, которое не было напряжением страха.

Мужчина у воды поднял руку. То ли поправил волосы, то ли помахал ей — она не разобрала.

Ноги принесли её домой сами.

Ночью она не спала.

Это тоже было новостью этого лета — бессонница определённого рода. Не тревожная, не больная, а какая-то сладкая, тягучая, как мёд, который тянется с ложки и никак не хочет падать. Она лежала на спине, и потолок над ней был белый в лунном свете, и она думала о руке, которую мужчина поднял у воды. Об его плечах. О широких руках.

Простыня была тёплой.

Она знала, что происходит. Об этом не нужно было читать в книгах — хотя она читала, тайком, библиотечные книги, которые выбирала не по названиям, а по тем страницам, которые были зачитаны больше остальных, замусолены чужими пальцами, хранили отпечатки чужого интереса. Она знала. Тело объясняло ей это подробно и терпеливо, на своём языке, не требуя перевода.

Под образами горела лампадка. Тонкий красный огонь.

Варя смотрела в потолок.

Утром мать послала её на луг — корову встретить, Зорьку, которая паслась там с рассвета. Варя взяла кнут, которым никогда не пользовалась, и пошла. Трава была по пояс, сырая от росы, и к тому времени, как она добрела до луга, сарафан намок по подол. Ткань прилипла к ногам. Варя не

поправляла.

Зорьку она нашла у самого берега — корова стояла в осоке и смотрела на воду с видом существа, которому некуда торопиться и которое это знает.

— Иди, — сказала Варя негромко. — Иди, хватит стоять.

Зорька повернула голову. Большой карий глаз смотрел без осуждения.

Варя тоже посмотрела на воду.

На том берегу горел маленький костёр — утренний, для чая. Тёмный силуэт сидел у огня. Один. Двое других, видимо, ещё спали. Силуэт поднял голову.

Расстояние между берегами было метров двадцать. Двадцать метров прозрачной воды.

Варя не двигалась. Силуэт не двигался.

Потом он встал. Пошёл к воде. Вошёл в неё — она видела, как вода поднимается по ногам, по бёдрам, вот он оттолкнулся и поплыл — ровно, без лишних движений, и через минуту встал уже на её берегу. Мокрый. Высокий. С теми самыми руками.

— Привет, — сказал он. Голос был низкий, городской.

— Привет, — сказала Варя.

Молчание длилось ровно столько, сколько нужно, чтобы понять — неловкости нет.

— Ты вчера стояла на холме, — сказал он. Не спрашивал.

— Стояла.

— Я видел.

— Я знаю.

Он улыбнулся. У него были хорошие зубы и морщинки у глаз, которые появляются у людей, много щурящихся на свету или много смеющихся. Ей показалось — второе.

— Меня зовут Андрей.

— Варя.

Зорька шумно выдохнула и пошла в сторону деревни без всякого приглашения. Варя проводила её взглядом.

— Корова? — спросил Андрей.

— Корова.

— Твоя?

— Материна.

Он смотрел на неё. Не так, как смотрят мужчины, когда хотят смутить, — это она знала, видела такие взгляды у деревенских, оценивающие, тяжёлые, как рука, которую кладут без спросу. Он смотрел иначе. Как смотрят на что-то, что застало врасплох.

— Ты здесь живёшь? — спросил он.

— Всю жизнь.

— Хорошо, наверное.

Варя подумала. Раньше она ответила бы — да ну, скучота, город лучше. Но сейчас, в это утро, с мокрым подолом, с рекой в двух шагах, с этим мужчиной на берегу, она не была уверена.

— Не знаю, — сказала она честно. — Другого не видела.

Он приходил каждый день.

Это установилось само собой, без договорённости — просто каждое утро, когда Варя шла к реке, он уже был там, или появлялся через несколько минут, как будто ждал не её, а того же самого момента, который ждала и она. Они разговаривали. Потом молчали. Молчание было таким же наполненным, как разговор.

Она узнала, что он из Москвы, что работает архитектором, что ему двадцать восемь лет, что сюда они приехали случайно — свернули не туда на трассе и нашли это место.

Он узнал, что она читает всё подряд, что умеет доить корову и печь хлеб, что мечтает — смутно, без конкретики — о чём-то, чему ещё не знает названия.

— Это нормально, — сказал он однажды. — Не знать названия. Иногда лучше — без названия.

Варя подумала об этом потом, ночью, под лампадкой.

Да. Иногда лучше без названия.

На пятый день пошёл дождь.

Настоящий, июльский, тёплый — не тот мелкий городской дождь, от которого прячутся, а такой, под которым можно стоять и чувствовать, как он барабанит по плечам, по голове, стекает по шее. Варя стояла под этим дождём на берегу. Андрей стоял рядом.

Они пришли сюда уже в дождь и молча согласились не уходить.

Сарафан промок насквозь — быстро, за несколько минут. Варя чувствовала ткань на себе иначе — тяжёлую, при-

легающую, почти отсутствующую. Она не смотрела на Андрея. Смотрела на реку, на которой дождь выбивал тысячи маленьких кратеров, которые тут же исчезали и появлялись снова.

— Варя, — сказал он.

Она повернулась.

Расстояние между ними было — вытянутая рука. Он не тянул руку. Просто смотрел.

Дождь был тёплый.

— Что? — спросила она.

Варя сделала полшага вперёд.

Потом ещё полшага.

Расстояние стало — ладонь.

— Тебе сколько лет? — спросил он тихо. Не как мужчина, которого останавливает возраст, а как мужчина, которому важно знать.

— Восемнадцать. В мае.

Он выдохнул.

Дождь барабанил по листьям. Где-то далеко, в деревне, залаяла собака. Река несла воду туда, куда всегда несла, не спрашивая берегов.

Его рука поднялась и легла ей на щеку. Не схватила — легла. Как будто проверяя — настоящая ли. Как будто давая выбор — уйти или остаться.

Варя была настоящей.

И она осталась.

Это было только начало.

Но даже это начало — рука на щеке под июльским дождём, мокрый сарафан, двадцать метров прозрачной воды между двумя берегами — даже это уже было больше, чем всё, что она знала раньше. Тело помнило каждую секунду. Записывало. Хранило так, как хранят то, что изменило — не жизнь, нет, жизнь меняется долго и незаметно — а что-то внутри жизни. Какую-то точку отсчёта.

Варя Селиванова, восемнадцати лет, из деревни Малые Выселки, стояла под дождём и знала, что лето только начинается.

И что она — тоже только начинается.

Река несла воду.

Дождь был тёплый.

Дождь кончился так же внезапно, как начался — просто перестал, оставив после себя воздух, густой, как парное молоко, и листья, которые всё ещё роняли крупные капли. Андрей убрал руку со щеки Вари, но не отстранился, а взял её ладонь в свою, и она почувствовала, какая у него сухая и тёплая кожа, несмотря на воду, — как будто дождь её не касался вовсе.

— Ты промокла, — сказал он, и это было не замечанием, а приглашением.

Варя взглянула на свой сарафан — он облепил тело так плотно, что она внезапно увидела свои груди, бёдра, весь свой стан, как увидела бы со стороны. От этого взгляда ей

стало жарко, хотя дождь остывал на коже. Она подняла глаза — он смотрел не на сарафан, а в её глаза.

— Идём, — сказала она тихо. — У нас есть баня по-чёрному, топится по субботам. Но мать сейчас на другом конце деревни, у тётки Нади, до вечера.

Она не спрашивала себя, зачем говорит это. Она просто говорила — слова сами шли, повинаясь тому тёплому току, который начался под его ладонью на щеке и теперь разлился по всему телу.

Андрей не ответил, только сжал её пальцы. Они пошли по мокрой траве, огибая крапиву, через огород, мимо подсолнухов, которые тяжело клонили головы, впитывая солнце, пробивающееся сквозь тучи. Варя открыла дверь маленькой баньки, стоявшей на задах, пахнувшей берёзовым веником, прелым деревом и лёгкой горчинкой дыма.

Внутри было темно — только маленькое окошко под потолком давало свет. Варя шагнула внутрь, он за ней. Дверь закрылась, и темнота стала густой, но не страшной. Она слышала его дыхание — ровное, чуть учащённое. Слышала своё — неровное.

— Здесь темно, — сказал он негромко.

— Это баня. Привыкаешь.

Она стояла спиной к нему, лицом к стене, и чувствовала, как страх — нет, не страх, волнение — поднимается откуда-то из живота. Она не знала, что нужно делать. Знала толь-

ко, что хочет, чтобы он снова коснулся её.

Он коснулся.

Его руки легли на её плечи — осторожно, словно спрашивая. Пальцы скользнули по мокрому сарафану вниз, к талии, и там замерли. Она почувствовала, как он наклонился, и его дыхание коснулось её шеи — тёплое, мягкое.

— Варя, — прошептал он. — Я не хочу торопить тебя.

— Я не тороплюсь, — сказала она и сама удивилась твёрдости своего голоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.